

Кочевой мир в русской литературе*кочевье, образ, мотив, сюжет, национальные реалии, поэтика*

Наряду с понятием «национальный мир», в литературоведении широко используется «кочевой мир», и применяется он к культуре тюркских народов, ведущих кочевой образ жизни. По-разному трактуется значение слова «кочевать». В.И.Даль, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», объясняет происхождение слова кочевой от глагола «кочевать», что означает «...вести со всем семейством и хозяйством своим жизнь бродячую, неоседлую; переходить со стадами с места на место, ради подножного корма, перенося с собою и разборное жилье свое, кошмную кибитку, кожаный чум, цыганский шатер, или устраивая себе жилье из жердей коры, лапника и пр....» [Даль 2007: 152].

В Словаре русского языка С.И.Ожегова под «кочевьем» подразумевается «стоянка кочевников, местность, по которой кочуют» [Ожегов 2005: 385]. Аналогичную интерпретацию предлагает Т.Ф.Ефремова в «Новом словаре русского языка»: кочевать – означает «а) переходить, переезжать с места на место со своим жильем и имуществом; вести неоседлую жизнь, б) передвигаться стадами, стаями с места на место (о животных, птицах и т.п.). 2) перен. разговорный часто менять место жительства; переезжать из одного места в другое» [Ефремова 2009: 579].

Таким образом, концепт «кочевье» соотносится с понятиями: «передвижение», «постоянное», «с имуществом», «с целью обеспечения пастбищ для скота».

В русской культуре кочевье является знаком иной культуры и ассоциируется со свободой, исходным природным образом жизни, отсутствием привычного имущества и сопровождается амбивалентной оценкой. На обиходном уровне кочевье воспринимается как патриархальный уклад и неспособность жить на одном месте, на поэтическом уровне – как вольная жизнь.

Образы и мотивы кочевой Степи в русской литературе XIX-XX веков занимают едва ли не ведущее место. Интерес к инациональной культуре первыми проявляли представители романтического направления. Для них иной мир, иная среда и иные герои были источниками выражения идеи свободного духа.

Как происходило освоение кочевой казахской Степи в русской культуре? Некоторые представители русской интеллигенции знакомились с культурой степного кочевья в период пребывания в ссылке (политические заключённые), другие – по роду общественной и научной деятельности (историки, этнографы, путешественники), а третьи искали в культуре кочевых народов новые сюжеты и образы для создания произведений (поэты, писатели, деятели искусства).

Первооткрывателем кочевой Степи в русской литературе является русский писатель, публицист, учёный, лексикограф В.И.Даль. Его этнографические очерки и рассказы «Бикей и Мауляна», «Майна» стали «маленькой энциклопедией» казахской действительности.

Не меньший интерес к казахской культуре проявлял и А.С.Пушкин, о чём свидетельствует найденная в архиве поэта рукопись казахской народной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Великий поэт, будучи проездом в Уральске, беседовал с местными жителями, записывал услышанные им казахские слова. Свидетельство тому – карандашная надпись на полях рукописи поэмы, обнаруженная пушкиноведами.

Современник и духовный наставник казахского поэта Шакарима Кудайбердиева, Л.Н.Толстой в небольшом рассказе-притче «Ильяс» рассказывает о жизни каза-

ха-бедняка. В романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» герой Родион Раскольников, находясь в остроге, созерцает незнакомый ему мир степного кочевья, кибитки, движущиеся по дороге. Образ кочевой Степи символизирует свободу.

Особое место тема кочевья занимает в творчестве Д.Н.Мамина-Сибиряка. Писатель-публицист посвятил ей цикл рассказов и очерков под названием «Киргизские легенды». В него вошли рассказы «Баймаган», «Майя», «Лебедь Хантыгая», «Слёзы царицы», а также очерк «На кумысе», повесть «Охонины брови». Перу писателя принадлежат рассказы «Ак-Бозат», «Исповедь», в которых явно прослеживаются традиции русской классической прозы.

Каким же увидел русский писатель казахскую степь: *«Киргизская степь была так же хороша, как десять лет назад, также весной она покрывалась цветами и ковылём, тот же играл по ней степной ветер, а зимой волком завывали снежные метели; голубое небо так же высоко поднималось над ней, так же паслись по ней косяки киргизских лошадей, а Гольдзейн позванивала своим серебром...»* [Мамин-Сибиряк 1981: 556].

Н.С.Лесков в повести «Очарованный странник» рассказывает о беглом крепостном Иване Флягине, который оказался пленником степного кочевья. Устами героя автор повествует о жизни и быте кочевого народа, о красоте степных просторов. *«...а я подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи... в одну сторону и в другую – всё одинаково... Знойный вид, жестокий; простор – краю нет; травы буйство; ковыль белый, пушистый, как серебряное море, волнуется, и по ветерку запах несет: овцой пахнет, а солнце обливает, жжёт, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится, и тут глубине тоски дна нет...»* [Лесков 1981: 243].

Тема кочевой Степи становится ведущей в произведениях писателя И.П.Шухова. В автобиографической повести «Пресновские страницы» автор воссоздаёт поэтический образ кочевья.

«Я впервые увидел кочевнический аул, и мне пришлось по душе привольная жизнь исконных наших станичных соседей – мирных степных кочевников. Все, решительно все было здесь внове для меня. Все – неожиданно. Ярко. Броско. Необыкновенно. Непривычно. Диковато. Полузагадочно» [Шухов 1981: 550].

Лирический герой повести впервые оказывается в казахской юрте и восторженно рассказывает об увиденном: *«Каким-то неправдоподобным, праздничным великолепием. Неистовым буйством красок. Нарядными, окованными, сверкающими самоварной медью сундуками. Многоцветными слоями стеганых шелковых одеял на железной кровати с ослепительными никелированными спинками и набалдашниками. Букетами бархатных, расшитых золотыми или серебряными позументами мужских чапанов и женских камзолов. Пышными и яркими – как полные цветов и трав июльские лесные поляны – коврами, украшавшими круглые стены этого, казалось, невесомого, воздушного жилища»* [Шухов 1981: 549].

Внутреннее убранство кочевого жилища поражает юного гостя обилием красочных предметов быта. На фоне однообразной степной природы казахская юрта предстаёт как сказочный дворец, оазис с удивительно яркими сочетаниями красок и цветов. Лирический герой восхищён многообразием красок, богатым убранством степного жилища – юрты. Пребывание в нём открывает перед героем еще одну страницу национальной культуры – обычай гостеприимства, которым отличались казахи. *«Потчевались мы за дастарханом – оранжевой льняной скатертью, постланной перед нами прямо на покрытом узорным войлоком полу обширной юрты. Сперва мы пили из увесистых фарфоровых пиал крепкий, сдобренный сливками любимый степными жителями кирпичный, плиточный чай вприкуску с колотым сахаром и румяными, круглыми, как грецкие орехи, баурсаками»* [Шухов 1981: 549-550].

Мир казахского аула раскрывается через конкретные образы предметов, деталей быта, которые представляют собой реалии национального быта: *дастархан, юрта, пиала, баурсаки*. Бытовые картины казахского гостеприимства сообщают одновременно и приметы исторического времени: *плиточный чай, колотый сахар*.

«Затем – ближе к позднему летнему вечеру – на дастархан было подано огромное, похожее на стиральное корыто, деревянное блюдо с грудой дымящейся, только что сваренной в казане – под открытым небом – ароматной баранины... То был знаменитый б е с б а р м а к – коронное национальное блюдо древних кочевников» [Шухов 1981: 550].

Реалии казахского быта сочетаются с описанием бытовых картин, привычным укладом повседневной жизни степного народа. И все это предстает через призму сознания юного героя – не казаха.

Картину бытового уклада казахского народа дополняют образы-запахи, образы-звуки. *«Пахло дымом кизячных костров. Кобыльим молоком. Овечьим пометом. Теплой дорожной пылью. Перьями дикой озерной птицы. Коровьей жвачкой. Собаками. Где-то совсем по соседству с аулом били отбой минувшему дню в ковыльных дебрях перепела»* [Шухов 1981: 550].

Бытовая картина казахской станицы сменяется пейзажной зарисовкой, в которой поэтически изображаются степные обитатели. *«Белые, как кипень, юрты кочевых аулов и темный увесистый дым кизячных костров. Полудикие конские табуны и пугливые овечьи отары. Узкобородые, седые, как лунь библейские пастухи с потемневшими от времени древними посохами и упавшие на гривы коней сухопарые, верткие, как дьяволы, степные джигиты в смерчевых вихрях байги – лихих праздных забавах зоркоглазого, кочующего в целинных степях народа...* [Шухов 1981: 452].

Совершенно по-иному выглядит казахский аул в романе «Дом скитальца» Г.Бельгера, известного переводчика, литературного критика, публициста. Трёхчастная композиция произведения обусловлена тремя сюжетными линиями, составляющими содержание романа. События происходят в послевоенные годы на казахстанской земле, куда была депортирована немецкая семья из Поволжья. Впервые перед взором Давида, главного героя первой части романа, предстаёт кочевой аул с его неприметным и непривлекательным бытом и скромными обитателями. *«Серые, убогие домишки выстроились в два ряда. Все крыши покрыты дерном. Поверх пластов росли полынь, чертополох. В вечерних сумерках улица казалась непомерно широкой. К каждому дому был пристроен сарай, неизменно кончавшийся круглой, куполообразной постройкой из ивняка. Посередине аула тянулась цепочка деревьев. Там, сразу же за деревьями, возвышалось крытое железом большое деревянное здание... Аул раскинулся в низине. В двух-трех километрах темнел тугай. С холма за аулом спускалось стадо: коровы, овцы, козы»* [Бельгер 2007: 18]. Бедность, нищета и убожество кочевого быта вызывает в душе героя чувство неприязни. Глазами своего героя автор рисует во всех подробностях быт и нравы обитателей казахского аула. *«Ближе к выходу, на небеленой плите, громоздился чумазый котел. На стене висел сотканный из крашеной пряжи мешок. Из него торчали деревянные мутовки, скалки, подносы. Рядом на гвозде висела баранья шуба, огромная, ушастая меховая шапка, поверх нее были наброшены сыромятная плеть и уздечка»* [Бельгер 2007: 26].

Анализ произведений русской литературы в аспекте поэтики кочевой Степи убеждает в том, что кочевой мир символизирует духовную и социальную свободу человека. Сохраняя традиции и обычаи предков, кочевые народы свободно вступали в контакты с представителями просвещённой Европы. Духовная свобода, широта души и готовность к открытому диалогу способствовали развитию межкультурных связей Казахстана и России на протяжении двух и более столетий.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 тт. Т.2. И – О / В.И.Даль. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 672 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка; Ок. 53000 слов / С.И.Ожегов; под общей ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2005. – 1200 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф.Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 6-ти т. / Д.Н.Мамин-Сибиряк; редкол.: А.И.Груздев, И.А.Дергачев, А.А.Стариков. – М.: Художественная литература, 1981. Т.5. Черты из жизни Пепко; Без названия; Рассказы / Подготовка текста Б.Мельгунова; Комментарий И.Дергачева. – 1981. – 607 с.

Лесков Н.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3 / Н.С.Лесков. – М., Издательство «Правда», 1981. – 475 с.

Шухов И.П. Собрание сочинений в 5 томах / И.П.Шухов. – Алма-Ата, 1981.

Бельгер Г. Дом скитальца: Роман / Г.Бельгер. – Алматы: Раритет, 2007. – 384 с.